

— По идее, у тебя еще есть шанс. У тебя хороший темперамент, а также ты отлично налаживаешь социальные отношения. Если бы люди проголосовали, тебя бы наверняка выбрали. Но как раз тогда, когда лидеры стояли рядом с нами, что ты делала?

Чжоу Цзячжэнь чувствовала одновременно возмущение и сожаление, а Чжао Ланьсян не знала, смеяться ей или плакать.

Когда она обдумала все более тщательно, то припомнила, что в прошлой жизни Цзян Ли в это время поступила в университет.

Так называемые «студенты университета», посещавшие университеты для рабочих, фермеров и солдат, также выбирались из числа местных жителей, будь то рабочие, фермеры или члены Народно-освободительной армии. Впоследствии эти студенты возвращались к сельскому хозяйству после нескольких лет учебы. Но, глядя на Чжоу Цзячжэнь, которая казалась такой разочарованной, Чжао Ланьсян не могла не попытаться утешить ее:

— Все в порядке, меня это не волнует.

Она действительно не интересовалась отбором студентов в эти университеты и даже не думала о подаче заявления.

Чжао Ланьсян знала, что в 1977 году вступительные экзамены в университеты возобновятся. С этого момента никому больше не потребуются рекомендации для поступления, ведь люди смогут поступить своими собственными силами.

Хотя среди студентов, окончивших университет, было огромное количество выдающихся талантов, из-за увеличения числа людей, поступающих по связям, качество знаний у студентов было неодинаковым. Впоследствии из-за этого квалификация, дававшаяся по окончании обучения в университет, не признавалась. Один поступил по рекомендательному письму, а другого зачислили в университет благодаря его упорству и труду. Излишне говорить, какой из таких студентов был более впечатляющим.

Университеты для рабочих, фермеров и солдат были настолько популярны в это время, что некоторые люди отдавали всю свою кровь, пот и слезы поступлению, но это не привлекало Чжао Ланьсян. На данный момент для других это был очень хороший способ вырваться из сельской местности и влиться в «большой» мир. Чтобы ухватиться за такую возможность, обычные люди платили невообразимо высокую цену.

Она сделала глоток воды, улыбнулась и сказала:

— Разумеется, эта возможность должна быть предоставлена людям, которые действительно много трудятся и хотят показать себя с лучшей стороны. Неужели ты думаешь, что я нахожусь в таком положении?

Чжоу Цзячжэнь собиралась было закричать, но передумала. Она долго молчала, прежде чем ответить:

— Я не смею об этом думать.

Чжао Ланьсян коснулась своих сухих волос, и ее глаза вспыхнули:

— Хотя я тоже ожидала, что меня выберут, сейчас я не пойду учиться. Даже если у меня нет высшего образования, однажды моя мечта осуществится. Дорога извилиста, но будущее светлое.

Чжоу Цзячжэнь дернула Чжао Ланьсян за хвостик и улыбнулась, притворившись, что ее ругает:

— Ба, ты уже старая дева, а все еще смеешь думать об учебе в университете!

Чжао Ланьсян протянула чайник Чжоу Цзячжэнь и с улыбкой предложила:

— Давай выпьем воды, прежде чем мы вернемся к работе.

После перерыва все снова принялись трудиться. Голова Чжао Ланьсян была обращена к земле, когда она начала рыть траншеи. Девушка работала так медленно, что, когда все остальные закончили свою часть работы, она все еще копала.

Внезапно появилась Чжоу Цзячжэнь, ткнула Чжао Ланьсян в руку и удивленно спросила:

— Посмотри туда, зачем пришел второй сын семьи Хэ?

Чжао Ланьсян подняла глаза. Хэ Сунбай по какой-то причине спустился с горы и сейчас стоял позади нее.

Он небрежно бросил:

— Я закончил свою работу.

Чжао Ланьсян спросила его:

— Если закончил, что ты здесь делаешь?

Уголки ее губ были приподняты вверх.

— Моя сестра сказала мне прийти и помочь тебе.

Руки Чжао Ланьсян сжались, и улыбка на ее губах также исчезла.

— О, тогда я хотела бы поблагодарить старшую сестру за заботу обо мне... но она уже помогла мне утром, нет необходимости снова помогать мне сейчас.

Когда Хэ Сунбай услышал это, его густые черные брови нахмурились. Словно в глубине души он задавался вопросом, почему эта женщина была таким проблемным существом.

Чжао Ланьсян отвернулась, взяла лопату и наклонилась, чтобы продолжить копать землю.

Парень быстро огляделся, понизил голос и произнес:

— Ты слаба. Не пытайся быть сильной. Просто дай мне лопату. Позже, когда людей станет больше, я уже не смогу тебе помочь.

Закончив говорить, он схватил лопату Чжао Ланьсян и наклонился, чтобы выкопать землю. Он быстро и легко раскидал всю землю вокруг. Чжао Ланьсян потратила весь день на раскопки, но он закончил всего за полчаса. Яма была глубокой и ровной, а остатки земли были аккуратно сложены в две кучи.

Лоб Хэ Сунбая покрылся потом. Вставая, он сказал:

— Я приду позже, чтобы помочь тебе, на этот раз будь послушной.

После того, как парень бросил эту фразу, он ушел. Его мягкий голос эхом разнесся по ветру.

Слово «послушной» немного ошеломило Чжао Ланьсян.

Ее старик часто произносил это слово, и каждый раз, когда он говорил это, его голос был мягким, а лицо – полным бесконечного терпения. Наконец она нашла между ними немного общего.

Чжао Ланьсян положила руку на колотящееся сердце.

Чжоу Цзячжэнь не могла не вскрикнуть от удивления. По ее мнению, только те, кто помогают дорогим людям, будут выполнять свою работу так справедливо и честно.

Чжао Ланьсян поспешно сказала:

— Люди в семье Хэ очень милые. Ты не должна относиться к ним предвзято.

Чжоу Цзячжэнь выглядела так, словно ее ударила молния. Она сказала:

— Тебя же обманули. Люди, близкие к киновари, становятся красными, а люди, близкие к чернилам, становятся черными. Старая поговорка на самом деле была правдивой.

Чжао Ланьсян ответила на ее слова:

— Я верю тому, что вижу и чувствую, и не буду слепо верить сплетням. Ты живешь в доме секретаря филиала, ты также помогаешь по хозяйству и всегда вовремя платишь арендную плату. Но они приходят помочь тебе с работой?

Чжоу Цзячжэнь коротко ответила ей:

— Они занятые люди, как они могут быть настолько свободными, чтобы выполнять такие мелкие задачи?

— Секретарю не нужно беспокоиться о том, что он не сможет достаточно поесть и попить. Если люди из семьи Хэ не будут работать, им нечего будет есть, но они все же решили помочь мне закончить мою работу.

Чжоу Цзячжэнь не могла ничего возразить. Вздыхнув, она произнесла:

— Возвращайся к работе.

— Хорошо!

На следующий день, хотя Чжао Ланьсян очень не хотела, Хэ Сунбай пришел вовремя, чтобы помочь ей. Когда старшие образованные молодые люди увидели яму, которую «она и Чжоу Цзячжэнь» копали вместе, они не могли не похвалить их.

Чжоу Цзячжэнь была очень смущена этой похвалой, но могла только молчать. Если бы девушка призналась, что это не она и Чжао Ланьсян копали яму, то также стала бы соучастницей преступления. Поскольку второй сын Хэ пришел на помощь, он также в конце концов выполнил работу и за нее.

Когда Чжао Ланьсян увидела, что Хэ Сунбай так много работает, у нее заболело сердце. Поэтому она решила купить мяса на выходных и регулярно снабжать его едой и водой.

Жители села завидовали: «Семья Хэ действительно благословлена!»

Поскольку образованная девушка из города решила жить в семье Хэ, те могли присоединиться к ней, чтобы пообедать, поесть мяса и других вкусных блюд. Раньше они были худыми, как беженцы, а теперь едят, как «богатые люди», ежедневно.

Все остальные тоже были истощены после долгого рабочего дня, но, когда они возвращались домой, все, что они могли поесть, это по-прежнему сладкий картофель и бобы, поэтому их лица становились зелеными. И этот яркий контраст оказался самым болезненным.

Люди не могли постучать в чужую дверь, чтобы попросить еды, но они все равно были вынуждены ощущать соблазнительный аромат каждый день. Кто им сказал портить отношения с семьей Хэ? Их отношения с этой семьей в течении долгих лет оставались плохими, а теперь они хотят кланчить мясо?

Им нужно было сохранить свое лицо. Как может какой-то простой аромат заставить их склонить голову перед этими «плохими людьми» всего за несколько кусочков мяса?

Таким образом, соседи могли только закрывать двери во время еды и использовать свое воображение: представлять, что у них не сладкий картофель и рис с зеленой фасолью, а вкусное и жирное мясо.

Люди не были уверены, что готовила эта образованная девушка Чжао. Но как оно могло быть таким ароматным! И так вкусно пахло каждый день! Если бы она пришла к ним в дом, это было бы замечательно! Но поскольку девушка осталась в семье Хэ, полной плохих людей, они даже не могли попросить у них немного рисовой воды.

В результате, когда в один из дней Хэ Сунбай отправился помочь с работой Чжао Ланьсян, он стал объектом нападения соседей. Эти люди выглядели так, словно им нужно было поймать кого-то, чтобы выпустить пар, и, пока они работали, то начали говорить злые слова.

Сестра Хэ была очень терпеливой, и ее уши были глухи к таким вещам. Даже если люди кричали перед ней до тех пор, пока у них не разрывалось горло, она не обращала на них внимание. «Жевать» языки перед ней было пустой тратой энергии.

Однако Хэ Сунбай не был терпеливым человеком.

— Эта девушка красива, и она дает тебе мясо, чтобы поесть, и теплое одеяло...

— Заткнись, — тихо сказал парень угрожающим голосом.

Но мужчина продолжил насмехаться над Хэ Сунбаем, на этот раз с еще большим волнением. Говорящего звали Ван Сицзы. Он был бедным и неряшливым. Ему было за тридцать, и он не

мог никак поладить с женой. Пара мутных глаз расцвела странным возбуждением.

Остальные громко засвистели и засмеялись.

— Семья Хэ настолько бедна, что осталось только два разрушенных дома. Даже воры не хотят заходить туда. Я не знаю, как он мог бы подумать, что он достоин культурных городских людей...

Ван Сицзы становился все более уверенным. Хэ Сунбай поднял голову, и Ван Сицзы столкнулся с железным кулаком, словно с метеором. В этот день Чжао Ланьсян не дождалась, пока Хэ Сунбай выкопает за нее траншею и засыпет ее щебнем.

Когда солнце начало садиться, Хэ Санья со слезами на глазах прибежала к Чжао Ланьсян:

— Сестра, ты можешь помочь моему старшему брату? У него сильное кровотечение.

Хэ Санья указала в сторону дома, ее лицо было покрыто соплями и слезами. Чжао Ланьсян немедленно бросила тележку и побежала к месту работы Хэ Сунбая. Она увидела лужу крови, засыхающую на земле, и пару человек, которые все еще истекали кровью. Девушка схватила ближайшего человека, чтобы спросить о том, что случилось.

Разузнав обо всем, она побежала обратно в дом семьи Хэ и поспешно распахнула дверь комнаты Хэ Сунбая. Девушка увидела, что в тускло освещенной комнате тот лежит на кровати и из-под одеяла торчат только короткие черные волосы. В воздухе стоял резкий и сильный запах лечебного масла.

Чжао Ланьсян вошла внутрь и посмотрела на человека, лежащего на кровати неподвижно. Ее глаза начали слезиться. Она сделала вид, что небрежно спрашивает:

— О, в последнее время было так много работы. У меня не было времени спросить, как твои ноги? Я хочу посмотреть на твои ноги.

Хэ Сунбай крепко стиснул одеяло, прежде чем спокойно ответить:

— Мои ноги в порядке.

Чжао Ланьсян подняла тонкое одеяло, закрывающее парня, и посмотрела на раны на его теле. Его грудь была покрыта ранами и синяками. Кровь запеклась на его бровях и, казалось, скоро начнет стекать по щекам. Выглядело это ужасно.

Она нежно коснулась его. Хэ Сунбай сразу же зашипел, и Чжао Ланьсян спросила:

— Ты это заслужил, стоило ли драться?

Хэ Сунбай нахмурился. Его мучила боль, даже нервы онемели, и он не мог думать ни о чем другом. Он хрипло произнес:

— Они несли чушь, поэтому я преподавал им урок.

Чжао Ланьсян принесла еще немного лекарств из своей комнаты, промыла его раны спиртом и оказала ему первую помощь. Наконец она ответила:

— Это не чушь.

Лекарство принесло легкое облегчение, хотя раны все еще причиняли умопомрачительную боль, а временами Сунбай едва не терял сознание. Когда ему стало немного легче, он смог найти немного сил, чтобы подумать о девушке рядом с собой. Как она наклонилась, чтобы осторожно коснуться раны на его груди, и как неприлично близко было ее тело.

Она была так близко к нему, что он чувствовал, как ее горячее дыхание щекочет его кожу. Его неповрежденная рука потянулась, чтобы прикоснуться к ее теплой и мягкой руке в темной тихой комнате. Нехватка зрения часто усиливает чувствительность других органов чувств. Он даже почувствовал ее слабый аромат, несмотря на резкий запах лекарственного масла.

— Ч... что?

Хэ Сунбай жестко отдернул руку, как будто обжегся.

Чжао Ланьсян моргнула и серьезно повторила:

— Он не говорил глупостей.

Пара ясных абрикосовых глаз была прозрачна, как осенняя вода. Она была нежной и очаровательной. Хэ Сунбай моргнул, и у него заболела голова.

Она улыбнулась и схватила его отдернувшуюся руку, а стройное тело прижалось к нему. Губы девушки были мягкими и влажными, и его сознание вдруг помутилось. Он почувствовал лишь, как все его тело словно поразил гром, а кровь в его теле стала горячей, как лава, как будто он вот-вот взорвется.